

*Искусство есть возведение жизни в идеал.*

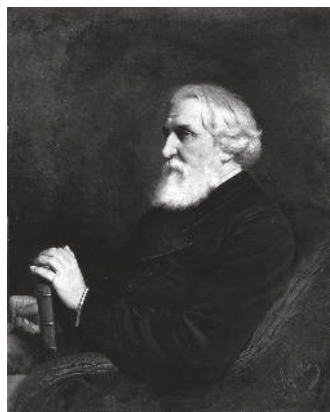
И.С. Тургенев

*Тургенев был человек высокого развития, убеждённый и никогда не покидал почвы общечеловеческих идеалов.*

М.Е. Салтыков-Щедрин

Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883) выполнил важнейшую историческую задачу: создал яркие образы новых людей, которых мы называем положительными героями; воспел молодёжь, устремлённую в будущее, как и сам автор. Его Инсаров, Рудин, Базаров, «тургеневские девушки» – это герои, способные на Подвиги ради высоких целей. Когда Тургенев создавал образ Базарова, таких людей – людей живого Дела и творческого ума – ещё не было. Тургенев предсказал их появление и их роль в русской жизни. Под влиянием тургеневских персонажей молодые люди шли в революцию, в науку и искусство, страстно желая изменить жизнь к лучшему, вызывая «жажду дела» (М.Е. Салтыков-Щедрин). Писатель всегда видел ростки нового, предугадывал зарождающиеся явления жизни и культуры.

Живя во Франции, И.С. Тургенев с осознанием своей миссии ввёл русскую литературу, а вместе с ней и русскую культуру в



В.Г. Перов. «Портрет И.С. Тургенева», 1872 г. Русский музей.

целом еввропейское культурное пространство, став, по признанию Жорж Санд «учителем» целой плеяды крупнейших французских писателей. «Мы все должны пройти через Вашу школу!», – писала она Тургеневу). Ги де Мопассан также называл себя учеником Тургенева; преклонялся перед «великим человеком» и «гениальным романистом». «Нормандские» рассказы Мопассана написаны под влиянием тургеневских «Записок охотника». Мопассан признавался: «...Не место анализировать творчество этого выдающегося человека, который останется одним из величайших гениев русской литературы.

Наряду с поэтом Пушкиным <...>, которым он страстно восхищался, наряду с поэтом Лермонтовым и романистом Гоголем, он всегда будет одним из тех, кому Россия должна быть обязана глубокой и вечной признательностью, ибо он оставил её народу нечто бессмертное <...> – своё искусство, незабываемые произведения, ту драгоценную непреходящую славу, которая выше всякой другой славы! <...>. Он любил музыку и живопись, жил в атмосфере искусства, откликался на все утончённые впечатления, на все неопределённые ощущения, даваемые искусством, и без конца стремился к этим изысканным и редким наслаждениям. Не было души более открытой, более тонкой и более проникновенной, не было таланта более пленительного, не было сердца более честного и более благородного»<sup>2</sup>.

В характеристике «великого Ивана» как наследника Пушкина и Гоголя, поборника Правды и Света с Мопассаном был солидарен духовно близкий Тургеневу М.Е. Салтыков-Щедрин.

Изобразительное искусство занимало значительное место в духовной жизни Ивана Сергеевича Тургенева. Быть может, ни один русский писатель не проявлял к живописи и скульптуре столько интереса, не уделял им, начиная с молодых лет и до конца дней своих, столько внимания, как Тургенев, один из немногих русских писателей, кто действительно понимал самостоятельную ценность

<sup>2</sup> Мопассан, Ги де. Иван Тургенев [Текст] / Ги де Мопассан // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. – Т. 2. – М.: Худож. лит., 1983. – С. 261.

живописи, её язык. Сам хороший рисовальщик и карикатурист<sup>3</sup>, превосходный знаток истории мирового изобразительного искусства, коллекционер картин, он живо интересовался и работами современных русских художников, а также зарубежных мастеров.

Источник искусства И.С. Тургенев видел в реальной жизни, постоянно подчёркивал, что содержанием искусства является объективный мир. На всех этапах своей духовной эволюции Тургенев строго материалистически решал основной вопрос эстетики об отношениях искусства к действительности. Жизнь вообще – «вечный источник всякого искусства»<sup>4</sup>. Но, признавая искусство формой отражения действительности, Тургенев никогда не отождествлял их. Творчество подлинного художника он называл «сосредоточенным отражением» жизни, т. е. отражением жизни в её существенных, типических проявлениях<sup>5</sup>. Задача искусства – отражать богатство реального мира, но не зеркально, а отбирая типические черты: «Искусство, в данный миг, пожалуй, сильнее самой природы, потому что в ней нет ни симфонии Бетховена, ни картины Рюисдаля, ни поэмы Гёте»<sup>6</sup>. Тургенев не принимал натуралистического понимания искусства как копирования жизни. Согласно Тургеневу, искусство воспроизводит жизнь в её существенных чертах, в её закономерном развитии. Художество он понимал как «воспроизведение, воплощение идеалов, лежащих в основах народной жизни и определяющих его духовную и нравственную физиономию».

Искусство не терпит «холода аллегорий», «сухого реализма хроники», жизнь здесь выступает «в живых образах и лицах». Суть искусства Тургенев никогда не сводил к внешнему правдоподобию. Национально-исторический принцип был основным принципом Тургенева. Задача художника, с точки зрения писателя, раскрывать неповторимый национальный склад характера, психологический, эмоциональный строй народа. Художество он рассматривал как «воспроизведение, воплощение идеалов, лежащих в основах народной жизни и определяющих его духовную и нравственную физиономию».

<sup>3</sup> «< в Риме я одно время рисовал карикатуры – иногда довольно удачно...> на одной карикатуре <...> я изобразил свадьбу Маркова (живописца, теперешнего профессора) <...>», – писал Тургенев в «Записках о Н.В. Станкевиче» [Тургенев, И.С. <Записки о Н.В. Станкевиче> [Текст] / И.С. Тургенев //Собрание сочинений: в 12 т. – М.: ГИХЛ, 1956–1958. – Т. 11. – С. 235].

<sup>4</sup> Тургенев, И.С. Сочинения. – Т. 12. – Л. – М.: ГИХЛ, 1933. – С. 119.

<sup>5</sup> Там же, с. 119.

<sup>6</sup> Тургенев, И.С. Сочинения. Т. 7. – Л. – М.: ГИХЛ, 1933. – С. 354.

Отрицая романтический произвол в искусстве, т. е. изображение жизни не в её реальных пропорциях и типических проявлениях, Тургенев требовал от искусства чувства меры и гармонии.

## И.С. Тургенев о русских художниках

Большой очерк И.С. Тургенев посвятил выдающемуся художнику Александру Андреевичу Иванову (1806–1858), академику, создателю произведений на библейские и антично-мифологические сюжеты, представителю академизма, автору полотна «Явление Христа народу»<sup>7</sup>. Писатель первым оценил его как художника-новатора, а не только как человека (воспоминания писателя впервые были опубликованы в 1861 г.). Тургенев предсказал пути развития русской живописи после А.А. Иванова. Тема жизни и творчества А.А. Иванова часто обсуждалась Тургеневым и его друзьями в 1870-е гг. на квартире художника Н.Н. Ге (7-я линия Васильевского острова, 36), на «четвергах» которого, кроме Тургенева, бывали М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.А. Некрасов, Н.И. Костомаров, И.Н. Крамской, И.Е. Репин и другие<sup>8</sup>.

Тургенев встретился с А.А. Ивановым в Риме в октябре 1857 г., в письме П.В. Анненкову от 31.10 (12.11) 1857 г. он описывает свои впечатления от знакомства с творчеством Иванова и прежде всего с его картиной «Явление Христа народу» [художник писал её с 1837 по 1857 год – Н. Г.]<sup>9</sup>: «Познакомился я здесь с живописцем Ивановым и видел его картину. По глубине мысли, по силе выражения, по правде и чистой строгости исполнения вещь

<sup>7</sup> В наши дни к наследию А.А. Иванова обращаются люди диаметрально противоположных взглядов – от религиозных деятелей до посетителей развлекательных сайтов, его имя в России является одним из самых востребованных в Интернете, интерес к его личности и творчеству растёт и углубляется. Художник-пророк и художник-утопист, «маньяк» (А.П. Боголюбов) и «избранный гений» (Н.Г. Чернышевский). Современники не оценили работу Иванова. Вся его жизнь и творчество пронизаны идеей служения людям (он писал картину для человечества) (Прим. авт.).

<sup>8</sup> Интересно, что до появления в этом доме Ге, в 1830-х гг. Общество поощрения художеств арендовало здесь квартиру для своих пенсионеров. Два зала с копиями античных статуй служили учебными классами, которые в 1836 г. и в начале 1837 г. посещал 22-летний Т.Г. Шевченко, тогда крепостной, подручный ремесленника-живописца (Прим. авт.).

<sup>9</sup> Тургенев, И.С. Письмо П.В. Анненкову, 31.10 (12.11) 1857 г. [Текст] / И.С. Тургенев // Собрание сочинений: в 12 т. – М.: ГИХЛ, 1956–1958. – Т. 12. – С. 279.



А.А. Иванов. «Явление Христа народу» (1837–1857), ГТГ.

первоклассная <...>. Но есть и недостатки. Колорит вообще сух и резок, нет единства, нет воздуха на первом плане (пейзаж в отдалении удивительный), всё как-то пёстро и жёлто. Со всем тем я уверен, что картина произведёт большое впечатление <...>». В письме к П. Виардо Тургенев замечал, что «картина Иванова – это уже не простая и чистая живопись, это философия, поэзия, история, религия <...>. Это великая вещь, серьёзное и возвышенное произведение»<sup>10</sup>.

В своём очерке, посвящённом А.А. Иванову<sup>11</sup>, Тургенев вспоминает октябрь 1857 г., когда вместе с художником они ходили в Ватикан, и Иванов «говорил о различных школах итальянской живописи, которую изучил подробно и добросовестно; все его суждения были дельны и проникнуты уважением к «старым мастерам» <...>. Гоголь несколько не понимал Иванова, хотя перевозносил его «Явление Христа»; ведь тот же Гоголь приходил в восторг от «Последнего дня Помпеи» [картина К.П. Брюллова – Н.Г.]; а любить эти две картины в одно и то же время значит не понимать живописи»<sup>12</sup>.

Тургенев характеризует А.А. Иванова и как человека: «<...> в нём было что-то <...> детское, мудрое и забавное, всё в одно и

<sup>10</sup> Тургенев, И.С. Письма к П. Виардо и французским друзьям. – М., 1900. – С. 123.

<sup>11</sup> Тургенев, И.С. Поездка в Альбано и Фраскати (Воспоминание об А.А. Иванове) [Текст] / И.С. Тургенев // Собрание сочинений: в 12 т. – М.: ГИХЛ, 1956–1958. – Т. 10. – С. 334–345.

<sup>12</sup> Там же, с. 335.

то же время; что-то чистое, искреннее и скрытное, даже хитрое <...>»<sup>13</sup>.

«<...> Иванов во всех стремлениях своих остался русским человеком – это неоспоримо; но он был русским человеком своего, то есть нашего, переходного времени. Он, так же как и все мы, не вступил ещё в обетованную землю; он предвидел её издали, он её предчувствовал, но он умер, не достигнув её рубежа. <...> Над Ивановым имел свою силу роковой закон разрозненности отдельных частей, составляющих полное дарование, тот закон, который до сих пор ещё тяготеет над всем русским искусством. Имей он талант Брюллова, или имей Брюллов душу и сердце Иванова, каких чудес мы были бы свидетелями!»<sup>14</sup>.

Читая Тургенева, вспоминаем, что действительно у Брюллова всё получалось с полоборота; Иванов был не менее талантливым, но успеха достигал с трудом; Брюллов не был стеснён в средствах к существованию, а Иванов жил скромно, почти в нищенских условиях. «Последний день Помпеи» (1833) Брюллова публика встретила с восторгом, а ивановское «Явление Христа народу» – холодно. У Брюллова было много подражателей и учеников, у Иванова их не было. И если Брюллов писал частные заказы, быстро работал, Иванов посвятил всю жизнь одной картине...

Цитирую далее: «<...> Иванов, как самобытная русская натура, ближе и сильнее говорит молодым русским сердцам: он им и понятнее и дороже; а во-вторых, в том-то и состоит его великая заслуга, заслуга идеалиста, мыслителя, что он указывает на образцы, приводит к ним, будит, шевелит; сам не удовлетворяет и не допускает в других дешёвого удовлетворения; что он заставляет своих учеников задавать себе высокие, трудные задачи, а не удовольствоваться мастерским исполнением каких-нибудь ракурсов и прочих технических фокусов, которыми так гордятся последователи Брюллова»<sup>15</sup>.

Когда И.С. Тургенев писал о Карле Павловиче Брюллове (1799–1852) «досталось» и Н.В. Гоголю: «Статьи Гоголя об Иванове и Брюллове могут служить поучительным примером, до какой уродливой фальши, до какого вычурного и лживого пафоса может завратиться человек, когда заберётся не в свою сферу <...>»<sup>16</sup>.

<sup>13</sup> Там же, с. 336.

<sup>14</sup> Там же, с. 343–344.

<sup>15</sup> Там же, с. 345.

<sup>16</sup> Тургенев, И.С. Литературные и житейские воспоминания. II. Воспоминания о Белинском [Текст] / И.С. Тургенев // Собрание сочинений: в 12 т. – М.: ГИХЛ, 1956–1958. – Т. 10. – С. 297.

Далее Тургенев замечает: «<...> Молодой человек, подпавший под влияние Брюллова, уже тем самым <...> погиб как художник <...>»; напротив – молодой человек, понявший и полюбивший внутренний свет, <...> может развиваться и пойти далеко, если только природа не отказала ему в даровании. Иванов, этот труженик и мученик, упал на полдороге, обессиленный <...>, но он шёл к истине, и будущий его наследник, тот «ещё неведомый избранник», пойдёт по его дороге, по дороге, впервые проложенной им»<sup>17</sup>.

Тургенев считает, что «<...> нельзя удовлетвориться мастерским исполнением каких-нибудь ракурсов и прочих технических фокусов, которыми так гордятся последователи Брюллова»<sup>18</sup>.

Писатель призывал к «противодействию брюлловскому марлинизму», то есть, с тургеневской точки зрения, отвлечённому холодному творчеству художников-романтиков, ярким примером которого Иван Сергеевич считал Брюллова: «<...> Художество у нас начнётся только тогда, – писал Тургенев П.В. Анненкову из Рима 01 (13).12.1857 г., – <...> когда Брюллов будет убит, как был убит Марлинский <...>. Брюллов – этот фразёр без всякого идеала в душе <...>, этот холодный и крикливый ритор <...>»<sup>19</sup>.

В том же письме Тургенев рассказывает о том, что «<...> имел страшные “при” с русскими художниками. Представьте, все они <...>, как за язык повешенные, бессмысленно лепечут одно имя: Брюллов, а всех остальных живописцев, начиная с Рафаэля <...> называют дураками»<sup>20</sup>. Где начло цитаты, что такое «при»?

Замечу, что из своих учителей Брюллов особенно ценил исторического живописца А.И. Иванова, отца А.А. Иванова. Надо сказать, что при жизни К.П. Брюллова оценка его творчества была вполне единодушной, и никто не сомневался в подлинном значении наследия мастера. Начиная с 60-х годов XIX века, слава Брюллова стала меркнуть. Для некоторых художественных кругов его имя стало предметом ожесточённой ненависти, главным выразителем которой стал художественный критик В.В. Стасов, которого, как следует из приведённых выше цитат из писем, подерживал и И.С. Тургенев.

---

<sup>17</sup> Тургенев, И.С. Поездка в Альбано и Фраскати (Воспоминание об А.А. Иванове) [Текст] / И.С. Тургенев // Собрание сочинений: в 12 т. – М.: ГИХЛ, 1956–1958. – Т.10. – С. 344.

<sup>18</sup> Там же, с. 345.

<sup>19</sup> Тургенев, И.С. Письмо П.В. Анненкову, 01 (13).12. 1857 г. [Текст] / И.С. Тургенев // Собрание сочинений: в 12 т. – М.: ГИХЛ, 1956–1958. – Т. 12. – С. 290.

<sup>20</sup> Там же, с. 290.





К.П. Брюллов. «Последний день Помпеи», 1833 г. Русский музей.

Брюллов оставил после себя десятки произведений разных жанров. Своей главной картиной «Последний день Помпеи» он изменил укоренившиеся представления о задачах исторической живописи и в числе первых нарушил привычные каноны классицистического искусства. Своей портретной живописью Брюллов прокладывал пути реализму. Классицизм и романтизм мирно развивались в его творчестве, и это было одной из его особенностей.

Таким образом, полемика того времени сегодня утратила свою остроту, и мы с уважением относимся к творчеству и А.А. Иванова, и К.П. Брюллова, одного из лучших рисовальщиков мировой истории, первого из живописцев, у которого пластика достигла совершенства. К.П. Брюллов был не только одним из ярчайших художников в русском искусстве второй трети XIX века, но и талантливым педагогом. Его учениками были художники Н.А. Мокрицкий, Г.Г. Гагарин, М.И. Железнов и другие. Традиции учителя были продолжены Т.Г. Шевченко, А.А. Агиным, П.А. Федотовым.

И.С. Тургенев пишет и об учениках К.П. Брюллова, называя их «хорошими рисовальщиками», знающими «грамматику – и больше ничего»<sup>21</sup>. Всё в том же письме П.В. Анненкову из Рима (1(13).12.1857 г.) Тургенев пишет, что «здесь есть какой-то Железнов<sup>22</sup> <...>, который всему этому злу корень и матка» [имеется в

<sup>21</sup> Там же, с. 290.

<sup>22</sup> Железнов Михаил Иванович (1825–1880) – русский живописец, акварелист, мастер эстампа, ученик и биограф К.П. Брюллова. В 1864 г. М.И. Железнов перевёл на русский язык книгу Дж. Вазари «Жизнеописания великих итальянских живописцев».



виду пропаганда К.П. Брюллова и его творчества – Н.Г.]<sup>23</sup>.

Обращаясь к тому же адресату 31.10 (12.11) 1857 г., Тургенев упоминает о «византийской школе князя Гагарина»<sup>24</sup>, тоже ученика К.П. Брюллова<sup>25</sup>.

В «Современных заметках» И.С. Тургенев анализирует иллюстрации художника А.А. Агина к гоголевским «Мёртвым душам»<sup>26</sup>, он пишет: «<...> Братся за типы, созданные этим великим мастером [Н.В. Гоголем – Н.Г.], страшно <...>». По мнению Тургенева, эти типы художнику Агину «не вполне дались». Писатель продолжает: «Со стороны внешнего исполнения рисунки к “Мёртвым душам” чрезвычайно удовлетворительны; рисованы и резаны на дереве очень хорошо <...>, но «только намекают на настоящее понимание». Писатель считает, что все лица Агина – «чисто петербургские и вовсе не провинциальные <...>». Главным промахом художника, по Тургеневу, является наиболее знаменитых живописцев, скульпторов и архитекторов» (Прим. авт.).

<sup>23</sup> Там же, с. 290.

<sup>24</sup> Тургенев, И.С. Письмо П.В. Анненкову, 31.10(12.11) 1857 г. [Текст] / И.С. Тургенев // Собрание сочинений: в 12 т. – М.: ГИХЛ, 1956–1958. – Т. 12. – С. 279.

<sup>25</sup> Ученик Брюллова, князь Григорий Григорьевич Гагарин (1810–1893) – талантливый русский художник, создатель музея «христианских древностей», увлечённый коллекционер, вице-президент Императорской Академии художеств. Известен картинами из жизни народов Кавказа, иллюстрациями произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и ряда других писателей. Изучение памятников древнего зодчества и предметов прикладного искусства явилось основой для его монументального труда «Собрание византийских, грузинских и древнерусских орнаментов». Творческое наследие князя Гагарина составляют сотни работ (Прим. авт.).

<sup>26</sup> Художник-график Александр Алексеевич Агин (1817–1875), выпускник Академии художеств, ученик К.П. Брюллова. Известен как мастер рисунка к литературным текстам, сближающего иллюстрацию с карикатурой. Стиль его близок к «физиологическому очерку» в русской литературе того времени, тем более, что такого рода очерки – гротескные летописи современного быта и нравов – он чаще всего и оформлял. Наиболее значительны его иллюстрации к «Мёртвым душам» Н.В. Гоголя (изданы в 1846–1847, полностью в 1892; подлинники хранятся в Русском музее в Петербурге и в Историческом музее в Москве) (Прим. авт.).



Обложка книги Н.В. Гоголя «Мёртвые души» с иллюстрациями А.А. Агина.



7-я линия ВО, 36. Здесь на «четвергах» художника Н.Н. Ге бывал И.С. Тургенев.

ву, является изображение Чичикова в виде «толстого, коротконогого созданища». Тургенев напоминает, что у Гоголя герой «...ни тонок, ни толст, ни безобразен, ни красив, весьма благовиден <...>. Уловить такой замечательно оригинальный тип при отсутствии всякой внешней оригинальности может только весьма большой талант»<sup>27</sup>.

Здесь мы опять-таки видим субъективный, не совпадающий с общепринятым на сегодняшний

день взгляд писателя на творчество художника, тоже, кстати, ученика К.П. Брюллова. Агинские иллюстрации к «Мёртвым душам», сатирические сценки и знаменитые типажные портреты открывают трагизм человеческого бытия, хотя и следуют одностороннему пониманию Гоголя как «обличителя нравов».

Замечу, что среди графических циклов Агина были и иллюстрации к поэме И.С. Тургенева «Помещик» («Петербургский сборник», часть 2, 1846 г.), которые Иван Сергеевич признал удачными: « <...> типы те приходились его таланту по плечу».

Оценил Тургенев и иллюстрации к своему рассказу «Перепёлка», выполненные выдающимися художниками – ровесниками Василием Ивановичем Суриковым (1848–1916) и Виктором Михайловичем Васнецовым (1848–1926).

В начале 1881 г. Тургенев в письме к С.А. Толстой обещал по её просьбе написать рассказ для журнала «Детский отдых», издававшегося её братом П.А. Берсом. Тургеневская «Перепёлка», написанная для журнала, была позже помещена в сборник «Рассказов для детей» и снабжена двумя иллюстрациями: Сурикова, нарисовавшего сцену охоты, и Васнецова, изобразившего спящего мальчика, увидевшего во сне перепёлку.

Тургенев писал Л.Н. Толстому (Париж, 15.12.1882 г.): «Моей “Перепёлке” Вы делаете слишком большую честь, снабжая её ри-

<sup>27</sup> Тургенев, И.С. Современные заметки [Текст] / И.С. Тургенев // Собрание сочинений: в 12 т. – М.: ГИХЛ, 1956–1958. – Т. 11. – С. 278–279.

сунками таких художников, как Васнецов и Суриков. Она только тем и хороша, что послужила материалом для их таланта»<sup>28</sup>. А Л.Н. Толстой в статье «Что такое искусство» написал, что «картинка Васнецова есть истинное произведение искусства».

В «Современных заметках» с симпатией Тургенев пишет о художнике Николае Александровиче Степанове (1807–1877)<sup>29</sup>, чьё имя сегодня покрыто забвением, говоря, что мастеру «удались его фигурки»; он называет его «истинным карикатуристом». Художник был близок кругам «Современника», организовал вместе с поэтом В.С. Курочкиным сатирический журнал «Искра» (1859), писал юмористические стихи; Степанов – автор скульптурных портретов известных современников, в том числе К.П. Брюллова и И.С. Тургенева. Художник вызывал уважение у современников и как автор трёх с лишним тысяч «метких и остроумных» (И.И. Панаев) карикатур, помещённых в различных журналах того времени.

Об ещё одном ученике К.П. Брюллова, великом украинском поэте, прозаике, этнографе и художнике, «русском Рембрандте», универсальной личности XIX столетия Тарасе Григорьевиче Шевченко (1814–1861) Тургенев оставил замечательные мемуары.

Шевченко начинал работать на стыке академизма и романтизма, но достаточно быстро ему удалось выработать самобытную манеру и стать у истоков реалистической живописи. Многие из зарисованного художник воспроизводил в очень редкой для своего времени технике офорта (в России тогда предпочитали офорт резцовую гравюру), некоторые специалисты считают Шевченко «первым русским офортистом»; он также работал маслом, акварелью, карандашом, сепией.

<sup>28</sup> Тургенев, И.С. Письмо Л.Н. Толстому, 15.12.1882 г. [Текст] / И.С. Тургенев // Собрание сочинений: в 12 т. – М.: ГИХЛ, 1956–1958. – Т. 12. – С. 575.

<sup>29</sup> Тургенев, И.С. Современные заметки [Текст] / И.С. Тургенев // Собрание сочинений: в 12 т. – М.: ГИХЛ, 1956–1958. – Т. 11. – С. 279–280.



Т.Г. Шевченко. Автопортрет, 1843. Бумага, тушь, перо.

03/19.10.1875 г.) из Буживаля (возле Парижа) И.С. Тургенев пишет И.С. Тургенев пишет: «<...> я припоминаю ещё один факт из ссылочной жизни Шевченка, делающий честь главному начальнику Оренбургского края В.А. Перовскому. Шевченко <...> был в молодости довольно замечательным пейзажистом; в крепости ему было запрещено не только писать стихи, но и заниматься живописью. Какой-то чересчур исполнительный генерал, узнав, что Шевченко, несмотря на это запрещение, написал два-три эскиза, почёл за долг донести об этом Перовскому <...>; но тот, грозно взглянув на усердного доносителя, значительным тоном промолвил: “Генерал, я на *это ухо глух*: потрудитесь повторить мне с *другой* стороны то, что вы сказали!” Генерал понял, в чём дело, и, перейдя к другому уху Перовского, сказал ему нечто, во все не касавшееся Шевченка.

Вспоминается мне также, что он [Т.Г. Шевченко – Н. Г.], живя в Академии, занимался гравированием на меди посредством острой водки – о-форт – и воображал, что открыл нечто новое, какой-то улучшенный способ в этом искусстве».

Высоко оценил И.С. Тургенев и творчество выдающегося пейзажиста Архипа Ивановича Куинджи (1842–1910). В этом с ним был солидарен и Ф.М. Достоевский, называвший полотна Куинджи «застывшей молитвой».

В письме Е.И. Рагозину из Парижа, 30/18.11.1880 г.<sup>30</sup> Тургенев сообщает, что «<...> очень рад успеху картины Куинджи. Очень было бы хорошо, если б он прислал её сюда на выставку – она, несомненно, произведёт фурор и здесь. Я говорил ему об этом и брал на себя все хлопоты <...>». Речь идёт о картине А.И. Куинджи «Лунная ночь на Днепре» (1880), пользовавшейся большим успехом на художественных выставках в России. Тургенев в качестве секретаря Общества русских художников в Париже хлопотал о том, чтобы картина была выставлена в столице Франции, что и произошло 10 декабря 1880 г. при деятельном участии писателя<sup>31</sup>. Ивану Сергеевичу удалось получить картину А.И. Куинджи «Лунная ночь...» у

<sup>30</sup> Тургенев, И.С. Письмо Е.И. Рагозину, 30/18.11.1880 г. [Текст] / И.С. Тургенев // Собрание сочинений: в 12 т. – М.: ГИХЛ, 1956–1958. – Т. 12. – С. 550–551.

<sup>31</sup> Куинджи в «Лунной ночи...» применил сложный живописный приём. Для углубления пространства художник тёплый красноватый тон земли противопоставил холодным серебристо-зелёным оттенкам. Мелкие тёмные мазки в освещённых местах создают ощущение вибрации света. Передний план прописан эскизно, небо же – композиционный центр картины (*Прим. авт.*).

её владельца, великого князя Константина Константиновича сроком на десять дней, чтобы показать её парижанам – в галерее Зедельмейера. Статью об этой картине по просьбе Тургенева написал Филипп Бюрти в газете «La Republique Francaise».

Тёплые слова в письме к С.К. Брюлловой (Париж, 21.12.1872 г.)<sup>32</sup> высказал И.С. Тургенев и в адрес выдающегося художника Василия Григорьевича Перова (1834–1882). Иван Сергеевич сожалеет, что адресатка не видела перовских портретов: «<...> некоторые (особенно Достоевского, того, что так аристофановски выводит меня в “Бесах” <...>) отличны»<sup>33</sup>.

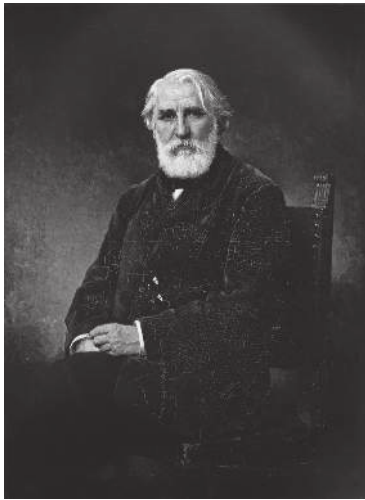
На второй передвижной выставке в 1872–1873 гг. были выставлены картины В.Г. Перова «Выгрузка извести на Днестре» и его портреты М.П. Погодина, В.И. Даля, А.Н. Майкова, Ф.М. Достоевского и других литераторов, а также Ивана Сергеевича Тургенева [находится в Русском музее – Н. Г.], изображённого в профиль, предстающего в облике почтенного и авторитетного мастера (вспомним описание Ги де Мопассана, где он называет Тургенева «гигантом с серебряной головой, как было бы сказано в волшебной сказке»). Вызывает удивление тот факт, что картина не впечатлила основателя Третьяковской галереи, коллекционера П.М. Третьякова. Тургеневский портрет не нравился и самому Перову; «выразить характер» ему, как он считал, не совсем удалось, может быть, потому, что художник мало лично знал Тургенева, хоть и очень любил и высоко ценил его произведения.

Говоря о В.Г. Перове, не могу не сказать о том, что русские художники подчас лучше разбирались в литературе, чем писатели в живописи, так как был разный уровень образования. В России литература была главным видом искусства, а живописи отводилось второстепенное место. Например, картины В.Г. Перова воспринимались современниками как вспомогательное искусство, иллюстрации (приложение) к стихотворениям Н.А. Некрасова. Считалось, что бытовые сцены – главное в них, а глубина, присутствующая в некрасовских произведениях, в них отсутствует. Замечу, что аналогов тургеневским романам в русской живописи нет!..

«Лучшим портретистом в Париже, а следовательно и во всём мире», называет И.С. Тургенев в письме к М.А. Милютиной (Па-

<sup>32</sup> Тургенев, И.С. Письмо С.К. Брюлловой, 21.12. 1872 г. [Текст] / И.С. Тургенев // Собрание сочинений: в 12 т. – М.: ГИХЛ, 1956–1958. – Т. 12. – С. 446–447.

<sup>33</sup> Роман Ф.М. Достоевского «Бесы» печатался в «Русском вестнике» в 1871–1872 гг. Одно из действующих лиц романа – пародия на Тургенева (Прим. авт.)



А.А. Харламов. «Портрет писателя И.С. Тургенева», 1875 г., Русский музей.

риж, 22.02.1875 г.)<sup>34</sup> художника Алексея Алексеевича Харламова (1840–1925), ученика уже упомянутого профессора живописи Академии художеств А.Т. Маркова.

В 1874 г. Харламов познакомился в Париже с Тургеневым, который был очарован талантом молодого русского живописца и предрёк ему большое будущее: «Здесь появились два замечательных художника – Репин и Харламов, – писал он. – Второй особенно далеко пойдёт». Во многом благодаря знакомству с Тургеневым и супругами Виардо, их протекции и заказам, Харламов за один год сделал стремительную карьеру.

Тургенев писал: «<...> живописец Харламов <...> написал удивительные портреты господина и госпожи Виардо и пишет теперь

мой». Из многочисленных своих портретов (художники И.Е. Репин, И.П. Похитонов, В.Г. Перов, Я.П. Полонский, К.Е. Маковский, К.А. Горбунов) Тургенев выделял работу А.А. Харламова (1875)<sup>35</sup>.

Выставленные в Салоне 1875 года портреты Полины и Луи Виардо работы Харламова имели блестящую прессу, организованную Тургеневым. Именно по совету русского писателя Эмиль Золя, посылавший в петербургский «Вестник Европы» свои «Парижские письма», посвятил Харламову восторженный пассаж. В харламовских портретах Золя увидел «дебют крупного таланта». Другой рецензент отмечал «мощь, энергию, уверенность лепки, глубину и жар колеров».

В дальнейшем Харламов постоянно экспонировал свои произведения на выставках парижского «Салона», ежегодно открывавшихся в Париже 1/13 мая во дворце промышленности на Елисейских полях.

Как можно заметить, у Тургенева были весьма прочные привязанности к некоторым современным художникам, как отече-

<sup>34</sup> Тургенев, И.С. Письмо М.А. Милютиной, 22.02.1875 г. [Текст] / И.С. Тургенев // Собрание сочинений: в 12 т. – М.: ГИХЛ, 1956–1958. – Т. 12. – С. 476.

<sup>35</sup> Иван Сергеевич Тургенев. Жизнь. Искусство. Время. – М.: Сов. Россия, 1988.



ственным, так и зарубежным, — например, к Харламову. Тем не менее, ни о ком из этих весьма нравившихся ему живописцев Тургенев не высказывал своего мнения в печати. А ведь как страстно он спорил в беседах с теми, кто отрицал оригинальность дарования Харламова, кому только из своих друзей и близких знакомых ни выражал в письмах самых одобрительных, восторженных отзывов об этом художнике (однако статьи о Харламове у Тургенева нет). Познакомившись с произведениями выдающегося живописца В.В. Верещагина, Тургенев убедился в том, насколько преувеличенными оказались его оценки Харламова, которого вначале он даже зачислял в художники мирового класса, считая его зачинателем русской школы живописи.



И.Н. Крамской. «Портрет В.В. Верещагина».

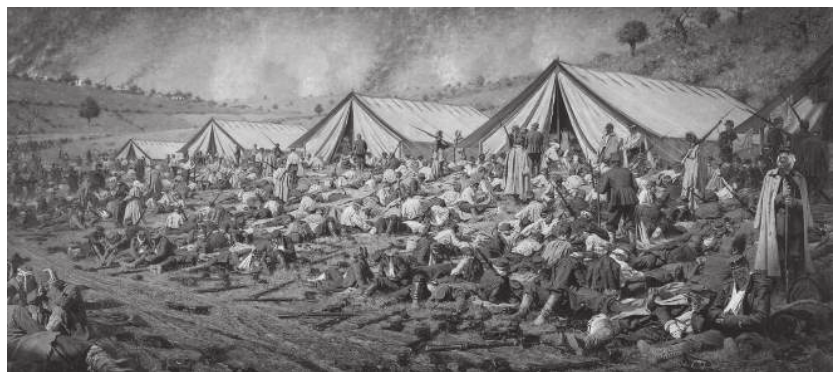
Ни о ком из тех, кто составлял гордость тогдашней русской школы живописи, Тургенев не писал с такой теплотой, никого не ценил так высоко, как Василия Васильевича Верещагина (1842–1904), художника-баталиста и литератора.

Взаимоотношения Тургенева и Верещагина — небольшая, но яркая страница из истории передовой русской культуры прошлого века<sup>36</sup> — не ограничивались их общим интересом к изобразительному искусству, вниманием писателя к творчеству художника. Их связывала и глубокая дружба. К сожалению, в известной части творческого наследия Верещагина нет ни одной зарисовки, изображающей Тургенева, хотя наверняка такие зарисовки были<sup>36</sup>. Содружество писателя и художника, их деятельность за рубежом немало способствовали международной известности и признанию лучших достижений русского искусства... В Верещагине писатель видел не только большого мастера, вписавшего яркую страницу в историю изобразительного искусства родной страны, но и обличителя захватнических войн. Высокая оценка

<sup>36</sup> Зильберштейн, И.С. Тургенев и художник В. Верещагин / И.С. Зильберштейн // Литературное наследство. — 1964. — Т. 73. — С. 290–334.

<sup>36</sup> Девятнадцатого века. (Прим. ред.)





В.В. Верещагин. «После атаки. Перевязочный пункт под Плевной»,  
1881 г.

Верещагина Тургеневым интересна ещё и потому, что взгляды писателя на современную русскую живопись нередко были ошибочными. Так, порой он проявлял излишнее пристрастие к тем русским художникам, которые, постоянно живя за границей, и будучи лишены творческого своеобразия, подражали далеко не лучшим образцам модной зарубежной живописи, а подлинно самобытных отечественных мастеров писатель в полной мере не оценил. Но в своём отношении к Верещагину он был глубоко прав. К тому же Тургенев оказал большое содействие в организации двух верещагинских выставок в Париже, а также в том, чтобы эти выставки получили признание. В конце 1879 г. Тургенев даже решил, как сообщали в печати иностранные журналисты, очевидно, с его слов, написать книгу, а может и художественный роман, о Верещагине. К сожалению, то были уже последние годы жизни писателя. Трогательное внимание Верещагин оказывал Тургеневу в это время. «Народным горем» назвал художник смерть Тургенева...

Теперь о том, что предшествовало знакомству Тургенева и Верещагина.

Когда в Петербурге была травля художника (1874), ставшего объектом клеветы в связи с отказом от звания профессора Академии Художеств, Тургенев выразил по этому поводу своё глубокое возмущение в письме критику В.В. Стасову 13/25.11.1874 г. из Парижа. Характерно, что Тургенев высказал это мнение задолго до знакомства с художником.

Личность Верещагина живо интересовала писателя. Своей поездкой на родину Тургенев решил воспользоваться, чтобы увидеть его работы. Для этого представилась неожиданная возможность.

Выставка произведений Верещагина, которая экспонировалась весной 1874 г. в Петербурге, осенью того же года была переведена в Москву и на протяжении дальнейших лет демонстрировалась в Московском обществе любителей художеств. Препятствием к их встрече и личному знакомству в последующие годы послужила начавшаяся в апреле 1877 г. война России с Турцией за независимость балканских славян: почти сразу после объявления войны Верещагин уехал в действующую армию. В ноябре 1878 г. Тургенев возвратился в Париж после поездок в Россию и в Англию. Теперь он сам проявил инициативу, чтобы познакомиться с Верещагиным и посмотреть его новые произведения. С просьбой помочь ему в этом Тургенев обратился к своему приятелю, художнику А.П. Боголюбову, постоянно жившему в Париже.

Встреча состоялась 15 ноября того же года в мастерской Верещагина. Вот что написал Верещагин о знакомстве с писателем: «После турецкой войны, художник Боголюбов сказал мне как-то:

– Есть один человек, очень, очень желающий с вами познакомиться.

– Кто такой?

– И.С. Тургенев.

Я был душевно рад этому и просил приехать в какое угодно время. Когда этот дорогой гость приехал в Maisons Laffitte, мне, признаюсь, просто хотелось броситься к нему на шею и высказать, как я глубоко ценю его и уважаю. Однако вышло иначе, пришлось представить бывшего у меня в то время приятеля, генерала С(кобелева), и мы обменялись только обычными банальными любезностями. Тургенев с большим интересом рассматривал мои работы. Тогда были уже начаты две, три картины из турецкой войны; из них особенно понравилась ему перевозка раненых: каждого из написанных солдатиков он называл, по именам. – “Вот это Никифор из Тамбова, а это Сидоров из-под Нижнего” и т.п.»<sup>37</sup>.

Несомненно, значительную часть их беседы занимали недавние события на Балканах. Тургенев принимал их близко к сердцу. С интересом писатель слушал рассказы художника о его пребывании на войне, осматривал этюды, привезённые художником с балканского театра военных действий.

По-видимому, к тому времени, когда Тургенев впервые появился в мастерской Верещагина, работа над триптихом «На

---

<sup>37</sup> Верещагин, В.В. Иван Сергеевич Тургенев (1879–1883) [Текст] / В.В. Верещагин // Повести. Очерки. Воспоминания / Сост. и примеч. В.А. Кошелева и А.В. Чернова. – М.: Сов. Россия, 1990.

Шипке всё спокойно!» ещё не началась или была только на первом этапе. Иначе невозможно себе представить, чтобы писатель не высказал своего мнения об этом замечательном создании художника.

На Тургенева посещение мастерской Верещагина произвело огромное впечатление. Это явствует из письма, которое Тургенев отправил 15/27 ноября 1878 г. П.В. Анненкову, где так характеризует Верещагина: «Замечательный, крупный, сильный – хоть и несколько грубоватый – талант».

Ни одному выдающемуся русскому живописцу Тургенев никогда не давал такой пронизательной оценки. Первая встреча положила начало дружеским отношениям Тургенева и Верещагина. И с того времени не было случая, когда бы маститый писатель, которого уже десятилетия знал цивилизованный мир, всеми средствами не способствовал популяризации творчества высокоодарённого живописца-соотечественника, пропустил хоть одну возможность содействовать ему.

В дни, когда открылась лондонская выставка Верещагина, в Англию поехал Тургенев. Он должен был присутствовать в Оксфордском университете на церемонии присуждения ему степени доктора наук *honoris causa*. На приёмы и визиты, связанные с этим событием, у писателя ушло немало времени, тогда же он завязал много новых знакомств. Хотя Тургенев пробыл в Англии меньше недели (июнь 1879 г.), он всё же посетил в Лондоне верещагинскую выставку, доставившую ему огромное удовольствие. И это несмотря на то, что подавляющую часть её экспонатов видел в мастерской художника. Писатель привёл на выставку некоторых своих английских друзей, объяснял им содержание картин и этюдов балканской серии. Ему явно было по душе и то впечатление, которое она произвела на англичан. Он осознал, что и в Париже, тогдашнем центре мировой художественной культуры, выставку произведений Верещагина ожидает большой успех.

Тургенев помогал Верещагину в организации следующей парижской выставки (декабрь 1879 г.), которой так же, как и лондонской, сопутствовал успех. Верещагин в период подготовки выставки обращался к писателю с различными просьбами и вопросами и получал самые дружеские советы. Тургенев, проживший в общей сложности четверть века во Франции, хорошо знал, какую огромную роль играла там пресса в подготовке общественного мнения. К тому же это вообще была первая в Париже персональная выставка русского живописца. А ведь французские критики до этого почти не знали русского изобразительного ис-

кусства, да и работы наших художников демонстрировались за рубежом весьма редко. Тургенев разослал приглашения на верещагинскую выставку в парижские редакции газет и журналов и сам выступил в парижской печати со статьёй о художнике, а также широко использовал свои знакомства и дружеские связи в журналистском и писательском мире Парижа, чтобы пропагандировать творчество Верещагина.

Характерно, что в статье Тургенев называет Верещагина самым интересным и «своеобразным» художником России того времени. Тут имело место некоторое преувеличение. Вспомним, что Тургенев недооценивал творческие достижения других русских художников, например, И.Е. Репина, отмечавшего, что «основная черта его [Тургенева – Н. Г.] характера – необыкновенная доброта и мягкость».

В какой-то степени преувеличенность общей оценки творчества Верещагина можно объяснить желанием Тургенева привлечь внимание зарубежных читателей к художнику, первому из русских живописцев выступившему с персональной выставкой в Париже. Ярко сказано в статье писателя о стремлении Верещагина выразить в своих полотнах правду, о его упорном искании правды. Важно отметить, что Тургенев, имея в виду серию картин о русско-турецкой войне, солидаризируется с художником, который не только отказывается приукрашивать войну, но стремится показать её страшные стороны. И это несмотря на то, что писатель весьма положительно относился к той борьбе, которую Россия вела за независимость балканских славян. В целом это краткое выступление Тургенева может быть воспринято как первый набросок задуманной большой работы о Верещагине. Здесь уже намечены основные элементы творческого портрета живописца. Так, в открытом письме, предназначенном всего лишь для парижской газеты, Тургенев сумел сказать об истоках художнических устремлений Верещагина, которые он выводит из великих достижений Гоголя. Немногими словами Тургенев охарактеризовал основные достоинства верещагинских произведений на темы «последней войны», но в этих словах дан ключ к оценке этой замечательной серии картин, которую он явно считал наивысшим достижением Верещагина. Тургенев даже отметил в открытом письме чисто формальные особенности мастерства художника – его колористические искания и безукоризненность рисунка. Ведь если бы Тургенев продолжал разговор только об этих намеченных им в письме качествах Верещагина как художника, и к тому же

подверг разбору с этих точек зрения его конкретные произведения, то получилась бы большая, содержательная статья. Тургенев действительно собирался «рассказать историю» Верещагина.

Тургенев не ограничился собственным выступлением на страницах газеты «Le XIX-e Siècle». Это было лишь частью того, что он решил сделать, чтобы Парижу стало широко известно творчество Верещагина. И если картины и этюды русского художника стали «первой новостью дня» и имели колоссальный успех, весьма значительную роль сыграл в этом Тургенев. Именно он приглашал посмотреть работы Верещагина знакомых писателей (в частности, Э. Золя!), искусствоведов и журналистов. Многие из них напечатали потом статьи о выставке, которые были данью глубокого уважения к великому писателю, а не только свидетельством восторга, вызванного у них полотнами художника.

Успех выставки произведений Верещагина в Париже превзошёл все надежды художника, все ожидания Тургенева. То был подлинный триумф. Благодаря этой выставке русское изобразительное искусство получило в ту пору мировую известность. Художник получил ряд лестных для него предложений об устройстве выставок его картин во многих городах Западной Европы. Вскоре началось блистательное шествие творений Верещагина по зарубежным странам, и снова Тургенев популяризировал его выставки.

В Петербург Тургенев приехал в феврале 1880 г., в том же месяце в городе открылась верещагинская выставка...

В письме к Ивану Николаевичу Крамскому (1837-1887) как руководителю товарищества Передвижных выставок, преподавателю школы Общества поощрения художников уже из Парижа, 06.12.1882 г. И.С. Тургенев в качестве секретаря и от имени Общества русских художников в Париже обратился в связи с возникшим проектом организации выставок картин отечественных мастеров. Здесь он снова напоминает о «знаменательном успехе» Верещагина в Париже. «Несомненно то, – писал Тургенев, – что французское общество заинтересовалось русским художеством именно с тех пор, как оно получило самостоятельность и выказало оригинальность – стало русским, народным. (То же самое произошло во Франции и с нашей литературой.) Стало быть, в этом вопросе нам сомневаться и колебаться нечего. Но это самое и налагает на нас обязанность строгого и беспристрастного выбора»<sup>38</sup>.

---

<sup>38</sup> Тургенев, И.С. Письмо И.Н. Крамскому, 06.12.1882 г. [Текст] / И.С. Тургенев // Собрание сочинений: в 12 т. – М.: ГИХЛ, 1956–1958. – Т. 12. – С. 570–572.

Далее Тургенев предостерегает от таких картин, в которых «воспроизведения народной жизни» находятся, с точки зрения профессиональной, на низком уровне. «Это козыряние, это щеголяние самобытностью, большей частью сопряжённое с слабостью техники, и долженствующее служить ей заменой, немедленно бросается в глаза и охлаждает, особенно людей европейских, у которых долгий опыт развил вкус и чутьё фальши. Примером могут служить “Бурлаки” Репина, произведения Верещагина <...>, между тем как иные, тоже якобы народные картины, на которые я указывать не стану, потерпели полное фиаско».

Замечу, что писатель очень уважал Крамского, у которого взгляды на искусство были близки к реалистическим воззрениям Белинского, Чернышевского, Добролюбова и самого Тургенева. Крамской пользовался непререкаемым авторитетом среди молодёжи, был объективен в оценках. В письме Тургенев называет Крамского «истинным художником», являющим «пример этого полного достижения <...>».

Здесь же Иван Сергеевич положительно отзывается о репинских «Бурлаках на Волге» (1870–1873), которые произвели большое впечатление на Всемирной парижской выставке в 1878 г. Конечно, писателя, как и всех зрителей, поразили солнечный колорит картины и то, что гениальный художник Илья Ефимович Репин (1844–1930), кстати, ученик И.Н. Крамского, не обезличил своих персонажей. Напомню, что Тургенев познакомился с И.Е. Репиным, как и со многими деятелями искусства в Петербурге, недалеко от Литейного, на Моховой улице, 26, в квартире В.В. Стасова в 1871 г., там же произошла и встреча с деятелями «Могучей кучки».

В письме к Крамскому Тургенев пишет, что художник А.П. Боголюбов «уступает безвозмездно свою великолепную залу (первую в Париже) на 6 недель [это ноябрь-декабрь 1883 г. – Н. Г.]». Причём Тургенев подчёркивает, что «художник предоставляет зал для выставки картин русской школы», в которой будет участвовать и сам, а Тургенев предлагает Крамскому и через него русским художникам «пожертвовать по картине <...>».

Председатель парижского Общества русских художников, живописец-пейзажист Алексей Петрович Боголюбов (1824–1896), которого упоминает в письме Тургенев, называл себя «моряком-художником»; он был внуком писателя А.Н. Радищева. всю жизнь он совершенствовал своё мастерство. Кроме того, много сил и всё своё весьма значительное состояние он отдал

делу развития русской художественной школы. В среде русских художников Боголюбов пользовался глубочайшим уважением. А Тургеневу Боголюбов был дорог и потому, что его живописную одарённость в своё время высоко оценил А.А. Иванов. Французские художники, в свою очередь, оценили оригинальность Боголюбова, его преданность природе, нежелание заниматься сочинительством в пейзаже.

Боголюбов был наставником художника Ивана Павловича Похитонова (1850–1923), написавшего портрет И.С. Тургенева (1882, ГТГ). Его Иван Сергеевич упоминает в числе других русских живописцев в том же письме Крамскому.

Похитонов был членом парижского Общества вспомоществования русским художникам, которое было организовано в декабре 1879 г. В состав Общества вошли также скульпторы М.М. Антокольский, И.Я. Гинцбург, А.П. Боголюбов, Иван Сергеевич Тургенев и другие.

К сожалению, выставка, о которой хлопотал Тургенев, по видимому, не состоялась; сведений о ней нет.

На протяжении нескольких десятилетий жизни за рубежом Тургенев являлся там неустанным пропагандистом и популяризатором русской культуры. Ни один русский писатель не сделал столько, сколько Тургенев, для того чтобы лучшие создания русской литературы, музыки и русского изобразительного искусства стали – по его выражению – «всеобщим достоянием, достоянием всего цивилизованного мира». В этом благородном деле он не имел себе равных, поэтому его горячее желание сделать на Западе известными выдающиеся творения мастеров русской культуры привело к таким значительным результатам.

Санкт-Петербург

*Продолжение следует*